

Личностные особенности матери и школьная готовность ребенка: сравнительный анализ двух популяций¹

Т. М. Марютина,

доктор психологических наук

О. Ю. Ермолаев,

кандидат психологических наук

А. К. Мункоев,

кандидат биологических наук

В психологии в последние десятилетия формируется новый, комплексный подход, ориентированный на изучение закономерностей психического развития и поведения человека (ребенка и взрослого) в реальной жизненной среде. Этот подход пока не получил общепринятого наименования и обозначается как «психология жизненной среды» [2], «экология детства» [5; 6], а область в целом обозначается как «экологическая психология» или «экопсихология» [1; 12] и др. Экопсихология формируется как междисциплинарная область знаний об общепсихологических закономерностях развития и поведения человека в окружающей его среде (физической, природной, социальной, образовательной и др.) и его взаимодействий с ней (как в целом, так и с отдельными ее объектами или их паттернами).

Более того, судя по материалам XV конференции Международного общества по изучению развития поведения (ISSBD) (XV Biennial ISSBD Meetings, 1998), подавляющее большинство проблем возрастной психологии в настоящее время, Во-первых, формулируется с учетом особенностей социокультурного контекста, а во-вторых, включает сравнительный анализ изучаемых явлений в разных культурных сообществах странах.

Наиболее ярко данная стратегия представлена, например, в международной программе по изучению родителей, детей и школ (ISPCS), которая реализуется в семи странах. В рамках этой программы проводится сопоставление родительских имплицитных этнически обусловленных представлений о роли семьи и сетях социальной и психологической поддержки, о личности, темпераменте ребенка, поведенческих проблемах и условиях, которые обеспечивают успешность школьного обучения. В кросс-культурном контексте обсуждаются проблемы дома и домашней среды, особенности родительского воспитания, способность родителей оценивать компетентность детей и многие другие проблемы. Очевидно, что такой тип организации исследований позволяет глубже проникнуть в содержание изучаемого психического явления.

Тем не менее, проблема выявления факторов, определяющих формирование индивидуально-психологических особенностей детей, в частности их умственного развития в зави-

---

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда; проект № 99-06-00096а.

симости от особенностей социокультурного контекста, остается малоизученной. При этом практически общепризнано, что семейное окружение выступает одной из главных детерминант формирования индивидуальности ребенка, в первую очередь особенностей его умственного развития. Однако культуроспецифические факторы социализации и индивидуализации развития в отечественной психологии, за единичными исключениями (см., например: [9, 8]), практически не исследовались.

В связи с вышесказанным в данной работе была поставлена задача провести сопоставление школьной готовности детей, а также стилей семейной социализации и личностных особенностей матерей в двух популяциях: московской и бурятской (русскоязычной), оценить общее и различное в индивидуальных особенностях детей и их матерей, выявить специфику влияний социокультурного контекста на изучаемые признаки.

Методы исследования

Методическую основу исследования составляет сравнительный анализ индивидуально-психологических особенностей детей 6 — 7 лет и их родителей из двух популяций — московской и бурятской. В Москве и Улан-Удэ исследования проводились на базе обычных городских муниципальных школ.

Для анализа были выбраны показатели школьной готовности детей (по методике А. Г. Лидерса, В. Г. Колесникова), стилей семейной социализации (по тесту — опроснику родительского отношения А. Я. Варги, В. В. Столина) и особенности личности по многофакторному опроснику личности Р. Кеттелла (16 PF) (см. Лучшие психологические тесты / 1992) у матерей.

В результате были получены средние и дисперсии всех показателей по двум группам детей и группам матерей. Оценка достоверности различий проводилась по критериям Стьюдента и Фишера. В каждой из выборок был проведен корреляционный анализ с целью выявления связей, существующих между показателями школьной готовности детей и показателями стилей семейной социализации и личностных особенностей матерей.

С помощью множественного регрессионного анализа были выделены личностные особенности матери, на основании которых можно прогнозировать уровень школьной готовности ребенка. Для статистического анализа был использован пакет SPSS.

Результаты и их обсуждение

Характеристики *экспериментальных групп*. В г. Улан-Удэ (бурятская популяция) в исследовании приняли участие 46 детей (24 мальчика, 22 девочки), 46 матерей и 36 отцов. Средний возраст детей — 7 лет 2 месяца, средний возраст матерей — 39 лет 6 месяцев, средний возраст отцов — 39 лет. Основной язык — русский в 42 семьях, русский и бурятский — в 4 семьях. С ребенком разговаривают на русском в 43 семьях, русском и бурятском — в 3 семьях. Среди отцов высшее образование имеют 24 человека, средне-специальное — 9 человек, среднее 3 человека (среди матерей соответственно — 33, 11 и 2 человека).

Из 46 детей 24 — этнические буряты, 21 — этнические русские (один ребенок — армянин, его данные из анализа исключены). Сравнение показателей школьной готовности детей и матерей этнических русских и этнических бурятов в составе бурятской популяции достоверных различий не выявило. Единственное исключение — фактор 02 по опроснику Кеттелла. По этому фактору этнически русские матери в бурятской популяции имеют достоверно более высокие показатели: 7,00 и 5,33 соответственно ($t=2,181$, $p<0,039$). Это свидетельствует о том, что этнически русским матерям в большей степени присущ *нонконформизм*.

В Москве (московская популяция) в исследовании приняли участие 30 детей (15 мальчиков, 15 девочек), 30 матерей и 16 отцов. Средний возраст детей — 7 лет 1 месяц, средний возраст матерей — 32 года 6 месяцев, средний возраст отцов — 34 года 6 месяцев. Основным языком во всех семьях — только русский. Среди отцов 12 имеют высшее образование, 4 — средне-специальное; среди матерей — соответственно 22 и 8.

Ввиду больших межпопуляционных различий объективно сравнить уровень жизни в той и другой выборках не представлялось возможным. Хотя можно отметить, что семьи, вошедшие в обе выборки, по меркам своего региона относятся к малообеспеченным. Кроме того, родителей просили дать субъективную оценку удовлетворенности жизнью. Показательно, что ни в московской, ни в бурятской выборке не было ни одного родителя, который бы указал, что удовлетворен своей жизнью.

Оценка школьной готовности детей. Тест школьной зрелости А. Г. Лидерса, В. Г. Колесникова [3] был выбран, поскольку в его основе лежит тест интеллектуальной готовности к школьному обучению эстонского исследователя П. Кеэса и в нем минимизировано участие лингвистических навыков и способностей. Последнее снижает риск того, что дети, испытывающие речевые трудности в связи с двуязычием, покажут более плохие результаты, чем те, кто свободно владеет русским языком. В то же время методика П. Кеэса выявляет наиболее важные с точки зрения учебной деятельности умственные способности ребенка, а именно некоторые аспекты памяти, внимания, мышления, воображения.

Эта методика имеет количественные показатели, что позволяет в полном объеме применять статистическую обработку данных. А. Г. Лидерс и В. Г. Колесников провели предварительную стандартизацию методики на детях московской и обнинской выборок. Используя их нормативы, переведем полученные в нашем исследовании «сырые» баллы московской выборки (см. показатели 1 — 5 в табл. 2) в процентиля; последние составляют по тестам от 1 до 5 соответственно: 42,7; 80,6; 60,9; 61,9; 66,2 %.

Однако имеющиеся нормативные данные не могут быть использованы при анализе показателей бурятской популяции. Не ставя своей целью новую стандартизацию методики, мы ограничились анализом «сырых» данных. Тем не менее мы провели факторный анализ показателей методики, полученных в бурятской популяции, и обнаружили, что данные по каждому субтесту вошли в отдельный фактор. Последнее позволяет считать, что в случае применения пяти субтестов методики А. Г. Лидерса, В. Г. Колесникова в бурятской популяции измеряются пять самостоятельных когнитивных характеристик (см. табл. 1).

Таблица 1

Факторная матрица показателей методики школьной готовности
(по данным бурятской популяции)

Субтесты		Факторные нагрузки после вращения по методу Варимакс				
№ п/п	Названия	Фактор 1	Фактор 2	Фактор 3	Фактор 4	Фактор 5
1	Умственная работоспособность	0,14	0,04	0,08	- 0,97	0,12
2	Сформированность внутреннего плана действия	0,98	0,03	0,02	- 0,14	0,12
3	Зрительная память	0,13	- 0,14	0,14	- 0,13	0,96
4	Сформированность наглядно-образного мышления	0,03	0,99	0,06	- 0,04	- 0,12
5	Способность к комбинированию	0,02	0,05	0,98	- 0,07	0,13

В табл. 2 представлены результаты оценки достоверности различий изучаемых показателей в группах 1 и 2. Сравнение средних показывает, что московские дети демонстрируют достоверно большие значения по субтесту 1. Наряду с этим дети из бурятской выборки имеют достоверно большие значения средних по субтестам 3 и 4. Возможно, в силу того, что изучаемые аспекты школьной готовности относительно независимы, мы обнаруживаем интересный факт. По субтесту 1 лучше результаты у московских детей, по субтестам 3 и 4 — у бурятских, по субтестам 2 и 5 достоверных различий между выборками не зафиксировано. Таким образом, в данном случае школьная готовность выступает не как целостный когнитивный конструкт, а как набор относительно независимых когнитивных составляющих, которые могут иметь различную динамику формирования в разных социокультурных условиях.

Таблица 2

**Оценка достоверности различий изучаемых показателей
в бурятской (1) и московской (2) группах испытуемых**

Показатели	Группа 1 Среднее значение	Группа 2 Среднее значение	Группа 1 Стандартное отклонение	Группа 2 Стандартное отклонение	Величина t	Значение P	Величина F	Значение P
1	13,70	26,78	5,96	11,41	- 4,52	0,000	3,66	0,007
2	6,40	7,00	3,88	2,35	- 0,57	0,566	2,71	0,039
3	13,75	9,63	3,90	4,42	3,08	0,004	1,28	0,593
4	17,10	12,00	4,84	4,97	3,24	0,003	1,05	0,905
5	6,10	7,00	4,17	5,17	- 0,59	0,553	1,53	0,363
6	9,70	12,57	1,75	2,69	- 3,97	0,000	2,36	0,070
7	8,20	8,52	1,00	1,17	- 0,93	0,356	1,36	0,512
8	3,70	4,84	1,26	1,21	- 2,87	0,007	1,07	0,876
9	2,80	4,73	1,60	1,40	- 3,99	0,000	1,30	0,575
10	1,75	3,42	0,63	1,42	- 4,76	0,000	4,98	0,001

Перечень показателей в табл. 2

<u>Показатели школьной готовности:</u>	<u>Показатели родительского отношения:</u>
1 – умственная работоспособность (внимательность);	6 – отвержение (принятие – отвержение);
2 – уровень сформированности внутреннего плана действия (мысленное вращение квадратов);	7 – социальная желательность (кооперация);
3 – уровень развития зрительной, опосредованной памяти (запоминание фигур);	8 – симбиоз;
4 – уровень сформированности наглядно – образного мышления (упорядочивание картинок);	9 – гиперсоциализация (авторитарная социализация);
5 – способность к комбинированию (складывание квадратов из элементов)	10 – инфантилизация / инвалидизация («маленький неудачник»)

Сравнительный анализ стилей семейной социализации. В табл. 2 представлены данные по стилям родительского отношения к детям. Для московских матерей полученные «сырые» данные соответствуют следующим процентильным рангам: 80,69; 64,58; 83,71; 80,17; 89,1 %. Эти данные говорят о том, что матерей московской группы отличает сильно выраженная пристрастность и определенная противоречивость в отношении к детям. О последнем говорит тот факт, что шкалы 2 и 5 — социальная желательность (кооперация) и инфантилизация / инвалидизация («маленький неудачник»), несущие в значительной степени противоположное содержание, — обе имеют достаточно высокий процентильный ранг.

При сравнении «сырых» данных исследований московских и бурятских матерей в четырех случаях из пяти отмечаются достоверно большие значения средних в московской группе.

Для московских матерей в большей степени характерно отвержение ребенка, симбиоз, гиперсоциализация (авторитарная социализация) и инфантилизация / инвалидизация. Лишь по одной шкале — кооперация с ребенком — достоверных различий между группами не установлено. В целом эти данные говорят о том, что для матерей бурятской популяции характерно более спокойное, уравновешенное отношение к детям.

Сравнительный анализ личностных особенностей. Оказалось, что матери из московской выборки по сравнению с бурятской имеют достоверно более низкие значения по целому ряду факторов опросника Кеттелла. К числу последних относятся факторы В (интеллект), Е (подчиненность — доминантность), L (доверчивость — подозрительность), N (прямолинейность — дипломатичность), С>2 (конформизм — нонконформизм) и фактор 0.4 (расслабленность — напряженность) (p в диапазоне от <0,000 до <0,003).

Опираясь на интерпретацию факторов, данную Л. В. Мургулец (1988), можно полагать, что для московской выборки в большей степени характерны конкретность и некоторая ригидность мышления, подчиненность, уступчивость, терпимость, уживчивость, непосредственность поведения, зависимость от группы, вялость и низкая мотивация. Наряду с этим матерям из бурятской популяции в большей степени свойственны сообразительность и быстрая обучаемость, властность, независимость в суждениях и поведении, подозрительность и осторожность, расчетливость и проницательность, повышенная мотивация. При этом отметим, что по фактору 0.2 (конформизм — нонконформизм) этнически русские матери из Улан — Удэ имеют показатель 7,00, а для матерей из Москвы этот показатель составляет 4,31 ($p < 0,001$).

В выборке московских матерей проводилась также оценка уровня субъективного контроля. При довольно низком значении общей интернальности в 3,79 (стандартное отклонение 1,65) были получены средние значения по шкалам интернальности в области межличностных отношений, семейных отношений и здоровья (соответственно оценки 5,96; 5,72; 5,86). Самая низкая интернальность характерна для производственных отношений (среднее значение составляет $3,37 \pm 1,42$). Таким образом, матери из московской выборки довольно низко оценивают свою возможность контролировать профессиональную деятельность и более оптимистично — свои способности определять атмосферу в семейных отношениях и в целом отношения с окружающими. Они также считают, что могут довольно успешно справляться с проблемами собственного здоровья и здоровья своих детей.

Корреляционный анализ характеристик матери и показателей школьной готовности детей. При сопоставлении особенностей матери (стиля социализации и личностных факторов) и показателей школьной готовности детей было установлено следующее.

В московской выборке из всех показателей школьной готовности статистически значимые корреляции с личностными особенностями матери образуют два субтеста, диагностирующих уровень развития зрительной, опосредованной памяти (3) и уровень сформированности наглядно — образного мышления (4). Успешность выполнения субтеста 3 отрицательно коррелирует с таким стилем родительского отношения, как кооперация

($r = -0,43$, $p < 0,05$). Кроме того, успешность выполнения субтеста 3 положительно коррелирует с такими личностными факторами, как В и Е ($r_1 = 0,46$, $p < 0,5$; $r_2 = 0,55$, $p < 0,1$). По-видимому, высокий интеллект матери в сочетании с доминантностью и ограничением инициативы ребенка способствует развитию опосредованной памяти. Наряду с этим уровень сформированности наглядно — образного мышления положительно связан со следующими факторами: М, Q₁ и O₃ ($r_1 = 0,46$; $r_2 = 0,50$; $r_3 = 0,47$; во всех случаях $p < 0,5$). Вероятно, развитое воображение, наличие интеллектуальных интересов и высокий самоконтроль матери положительно сказываются на развитии наглядно — образного мышления ребенка.

В бурятской выборке статистически значимых корреляций между стилями семейной социализации и показателями школьной готовности не выявлено. Вместе с тем уровень развития зрительной, опосредованной памяти детей положительно коррелирует с интеллектом матерей — фактором В ($r = 0,46$, $p < 0,05$) и отрицательно коррелирует с фактором L ($r = -0,43$, $p < 0,05$), называемым «доверчивость — подозрительность». Видимо, открытость и благожелательность матерей положительно сказываются на развитии памяти детей.

Построение предикторов школьной готовности детей. Интегральные предикторы выделялись с помощью процедуры регрессионного анализа по схеме, предложенной В. И. Трубниковым и апробированной в психологических исследованиях [7].

Оказалось, что прогнозировать индивидуальные особенности школьной готовности ребенка на основе личностных факторов матери можно с разной степенью успешности, во-первых, для разных выборок, во-вторых, для разных субтестов. В московской выборке особенно выделяется субтест 1 — умственная работоспособность или внимательность. Взятые вместе 10 личностных факторов матери (В, С, G, I, L, N, O, Q₁, Q₂, Q₃) позволяют объяснить 97 % дисперсии умственной работоспособности ребенка. Это значит, что умственная работоспособность или внимательность ребенка в этом возрасте практически полностью формируется в зависимости от индивидуальных особенностей матери.

Для субтестов 2, 3, 5 коэффициент детерминации значительно меньше (44, 47 и 29 %). Для субтеста 4 достоверное уравнение регрессии получить не удалось.

В целом данные по московской популяции хорошо согласуются с исследованием генетической обусловленности субтестов школьной готовности [7]. Методом близнецов было установлено, что межиндивидуальная вариативность субтеста 1 на 98 % определяется факторами среды, главным образом индивидуальной. Во всех остальных случаях вклад среды заметно ниже, фенотипическая дисперсия субтестов определяется и факторами генотипа, и факторами среды. Например, вклад генотипа в вариативность способностей к комбинаторике составляет 68 %, а остальное приходится на долю среды. По нашим данным, личностные особенности матери могут объяснить только 29 % наблюдаемой дисперсии этого субтеста.

Отметим еще один факт: именно по субтесту 1, почти полностью определяемому вариативностью средовых влияний, московские дети существенно превосходят детей из бурятской популяции. В то же время по тем субтестам, по которым дети из Улан-Удэ оказываются успешнее московских или равны им, индивидуальные различия в значительной степени определяются факторами генотипа (генетическая компонента дисперсии от 37 до 68 %).

Аналогично была предпринята попытка по тем же показателям выделить предикторы школьной готовности детей из бурятской выборки. Однако в данной группе сделать это удалось только по одному из субтестов школьной готовности — уровню сформированности наглядно — образного мышления. Предиктором выступает фактор М, характеризующий уровень развития воображения матери ($B = 0,62$, $p < 0,05$), но он может объяснить только 23 % межиндивидуальной дисперсии данного субтеста.

Следует подчеркнуть, что выделение предикторов по этой схеме представляет собой вариант моделирования, результаты которого зависят от избранной комбинации независимых переменных. Изменяя состав последних, мы можем получить разные комплексы про-

гностических характеристик. Тем не менее, когда в разных сочетаниях независимых переменных устойчиво выделяется несколько характеристик, достоверно объясняющих значительную долю дисперсии отклика (зависимой переменной), мы имеем основания считать, что выделенные характеристики приобретают функцию предикторов и могут быть использованы для прогноза.

Выводы

1. В тесте школьной готовности по показателям умственной работоспособности достоверно лучше результаты у московских детей, по показателям развития зрительной памяти и сформированности наглядно-образного мышления — у бурятских, а по показателям сформированности внутреннего плана действия и способности к комбинированию достоверных различий между выборками не зафиксировано. Следовательно, школьная готовность в этом случае выступает как набор относительно независимых когнитивных составляющих, которые могут иметь различную динамику формирования в разных социокультурных условиях.

2. Стили родительского отношения в каждой группе также имеют свои особенности. Для московских матерей в большей степени характерны отвержение ребенка, симбиоз, гиперсоциализация (авторитарная социализация) и инфантилизация/инвалидизация. Лишь по одной шкале — кооперация с ребенком — достоверных различий между группами не установлено. В целом полученные данные говорят о том, что для матерей бурятской популяции характерно более спокойное, уравновешенное отношение к детям.

3. С помощью регрессионного анализа показано, что прогнозировать индивидуальные особенности школьной готовности ребенка на основе личностных факторов матери можно, но с разной степенью успешности, во-первых, в разных выборках и, во-вторых, для различных субтестов.

Литература

1. Дерябо С. Д., Ясвин В. А. Экологическая педагогика и психология. Ростов н/Д, 1996.
2. Ковалев Г. А. Психическое развитие ребенка и жизненная среда // Вопросы психологии. 1993. № 1.
3. Лидерс А. Г., Колесников В. Г. Тест школьной зрелости. Обнинск, 1992.
4. Мургулец Л. В. Социально-психологическая диагностика личности. Л., 1988.
5. Панов В. И. Общие методологические проблемы экопсихологии детства // Учителю об экологии детства. М., 1995.
6. Панов В. И. Состояние и проблемы экологической психологии // Психологическая наука и образование. 1998. № 1.
7. Равич-Щербо И. В., Марютина Т. М., Трубников В. И., Белова Е. С., Кириакиди Э. Ф. Психологические предикторы индивидуального развития // Вопросы психологии. 1996. № 2.
8. Романова В. Исследование взаимодействия матери и ребенка раннего возраста в различных социокультурных средах: Автореф. канд. дис. М., 1999.
9. Санчес М. Сравнительный анализ социокультурной ситуации развития дошкольников в России и Эквадоре: Автореф. канд. дис. М., 1994.
10. Трубников В. И., Алфимова М. В. Наследуемость психологических признаков в семьях больных шизофренией и их использование для оценки риска заболевания // Генетика. 1994. Т. 30. № 5.
11. Черноушек В. Психология жизненной среды. М., 1989.

12. XY Biennial ISSBD Meetings. Abstracts. Berne, Switzzeland, 1988.
13. PawlikK., Stapf K. H. Okoligische Psychologie: Entwicklung, Perspective und Autbaueines Forschungsprogramms // Umwelt und Verhalten. Bern, 1992.